

Глава 2

Мертвая тишина, удушающее давление.

Спина и поясница Шэнь Хуэя окаменели от напряжения; на тыльной стороне ладони вздулись вены, словно он в любую секунду мог рвануться вперед и свернуть кому-нибудь шею. Но в конце концов он лишь чуть повернул голову, уклоняясь от торжествующего взгляда Янь Цзю.

Он опустил глаза; темные волосы почти скрыли лицо, и Янь Цзю был виден только слишком бледный, тонкий профиль.

На губах Янь Цзю играла улыбка победителя.

— Подвинься.

После долгого молчания Шэнь Хуэй отодвинулся вглубь сиденья, освобождая место.

Янь Цзю легко сел рядом. Он приехал, кипя от ярости, собираясь потребовать у Шэнь Хуэя объяснений за обман и утаивание. Но теперь, видя его упрямый, сломленный вид, вместо гнева испытал почти опьяняющее чувство завоевания.

Он почти ласково пристегнул Шэнь Хуэю ремень безопасности. Водитель, уловив намек, завел машину. Шэнь Хуэю оставалось только позволить увезти себя, словно упакованную вещь.

Янь Цзю повез его не в свою обычную квартиру в центре. Вместо этого он выбрал виллу в пригородных холмах, занимавшую половину склона, с настолько строгим контролем доступа, что даже вызванная машина не смогла бы подъехать ближе чем за сорок ли.

Увидев слегка обветшавший особняк в западном стиле, Шэнь Хуэй вспомнил, что эта вилла досталась Янь Цзю от родителей по наследству и именно здесь он впервые встретил Янь Цзю.

В смутном оцепенении ему будто вновь привиделся шестнадцатилетний Янь Цзю: раненый, сидящий на ступенях, смотрящий на него настороженными холодными глазами, точно молодой волк, который, истекая кровью, все равно скалит зубы.

Но теперь все изменилось. Повзрослевший альфа властно и естественно обнял его за талию и с самодовольной улыбкой спросил:

— О чем задумался?

Шэнь Хуэй промолчал.

Янь Цзю ввел его в дом, не оставляя пространства для отказа.

— Пойдем, поговорим внутри.

Янь Цзю редко сюда возвращался. Вилла была пустой, как музей ушедшей эпохи. Порывшись в холодильнике, он нашел стакан молока, разогрел его в микроволновке и поставил перед Шэнь Хуэем.

Шэнь Хуэй к нему не притронулся. Он повернул голову к цветущей кампсису за панорамным окном. Огненный водопад цветов заполнил весь его взгляд, такой же обжигающий и яростный, как запах феромонов Янь Цзю.

Он спокойно смотрел на цветы, но вопрос адресовал Янь Цзю:

— О чем ты хочешь поговорить?

Янь Цзю небрежно развалился напротив, бесстыдно вытянув длинные ноги.

— Неправильный вопрос. Правильно будет так: что именно ты от меня скрывал?

Шэнь Хуэй закрыл глаза и не ответил.

Вся недавняя радость Янь Цзю погасла под этой непреклонностью. Стоило ему вспомнить самодовольное, уверенное лицо Чэнь Шэньчжи и его слова, как собственнический инстинкт альфы требовал разорвать Шэнь Хуэю грудь и сжать в ладонях его сердце. Но, увидев его бледное лицо, он все же подавил этот порыв.

Янь Цзю ненавидел в себе эту слабость, но все равно спросил:

— Ты перенес третью операцию с катализатором железа?

Шэнь Хуэй без колебаний решил скрыть правду.

— Нет.

Янь Цзю посмотрел на него с недоверием.

Операция по трансформации железа была частью сделки между Шэнь Хуэем и Чэнь Шэньчжи, и Янь Цзю пока нельзя было об этом знать. Поэтому Шэнь Хуэй приложил усилие, чтобы скрыть следы:

— У меня есть свои люди в больнице. Операция была только прикрытием.

Вспомнив, как близок был Шэнь Хуэй к тому, чтобы ускользнуть у него из рук, Янь Цзю с

некоторой неохотой принял это объяснение. Но сейчас его больше занимало другое.

— Чэнь Шэньчжи сказал мне, что тогдашнее спасение и воспитание меня было всего лишь сделкой.

Услышав это, Шэнь Хуэй спокойно перевел взгляд на Янь Цзю, словно впервые по-настоящему его увидел.

Янь Цзю выделялся даже среди альф: красивый, но до жестокости резкий, с острыми, вздернутыми бровями и глазами, в одном взгляде которых таилось тяжелое давление.

Если бы он сейчас выпустил феромоны, большинство альф и омег, наверное, уже дрожали бы у его ног.

Но Шэнь Хуэй был бетой. Даже в самом центре бури он оставался невозмутим. Он спокойно встретил взгляд Янь Цзю и после долгой паузы ответил:

— Да.

Воздух в тот же миг застыл мертвой тишиной. Будь Шэнь Хуэй альфой или омегой, он бы ощутил ярость, пахнущую раскаленной лавой, сжигающую воздух и лишаящую дыхания. Но как бета он почувствовал лишь легкий подъем температуры.

Альфа был на грани взрыва.

Шэнь Хуэй, будто вовсе этого не замечая, выложил карты на стол:

— Шесть лет назад я собирался уйти из семьи Чэнь. Старый Чэнь сказал: если я воспитаю из тебя одного из них, он меня отпустит. Неплохая сделка.

Янь Цзю впился в него взглядом, пытаясь уловить хоть тень лжи. В прошлом Шэнь Хуэй не раз ему лгал. Но чем лучше Янь Цзю его знал, тем яснее понимал: сейчас он не лжет.

— Ты хотел уйти из семьи Чэнь из-за Чэнь Шэньчжи?

В ответ повисло долгое молчание.

Когда-то Чэнь Шэньчжи был единственным человеком, о котором Шэнь Хуэй по-настоящему заботился.

В шесть лет, живя в приюте, Шэнь Хуэй отчаянно жаждал особенной связи, настоящего друга, человека, которому был бы нужен только он один. Но воспитатели в приюте никогда никого не

выделяли, а друзья могли отвернуться от него даже из-за одного печенья.

Только Чэнь Шэньчжи был другим. Он смотрел лишь на Шэнь Хуэя, заботился только о нем и даже настоял, чтобы, когда нашлись его богатые родители, Шэнь Хуэя забрали вместе с ним.

Тогда десятилетний Чэнь Шэньчжи протянул Шэнь Хуэю руку:

— Пойдем со мной. Я буду твоей единственной семьей.

Ради этих слов Шэнь Хуэй отдал почти все шестнадцать лет своей жизни, а в конце услышал от Чэнь Шэньчжи лишь одно: «бракованный».

И именно тогда в его жизнь вошел Янь Цзю.

Чэнь Шан, старый волк делового мира, видел, что Шэнь Хуэй порвал с Чэнь Шэньчжи, и хотел выжать из него последнюю ценность: в обмен на свободу заставить его выковать для семьи Чэнь новый клинок.

Шэнь Хуэй согласился. Он выкует для них клинок, который однажды обратится против своих хозяев.

Этим кандидатом стал Янь Цзю, чьи родители погибли внезапно, и опека над ним перешла к Чэнь Шану. Семьи Янь и Чэнь давно дружили, но Чэнь Шан воспользовался случаем, чтобы попытаться поглотить семью Янь через Янь Цзю.

Их первая встреча была столкновением интересов, сделкой с самого начала.

Шэнь Хуэй спокойно признал:

— Да.

Температура в гостиной резко подскочила. Даже Шэнь Хуэй со своим слабым телом ощутил жар; ладони у него покрылись потом.

Янь Цзю сжал кулаки так, что вздулись вены, и сквозь зубы задал вопрос, который мучил его сильнее всего:

— Ты его любишь?

Шэнь Хуэю никогда не нравилась эта упрямая, цепкая натура Янь Цзю. За шесть лет он научился с ней справляться. Вместо ответа он спросил:

— Как там старый Чэнь?

Но этот прием явно больше не действовал на полностью вошедшего в силу альфу. В глазах Янь Цзю полыхнула ярость, мышцы напряглись, будто он вот-вот бросится вперед и разорвет Шэнь Хуэя на части.

Молчание было признанием.

И все же Шэнь Хуэй лишь спокойно смотрел на него. Его невозмутимость была подобна неподвижной горе и понемногу умирjala альфу, стоявшего на краю бешенства.

Янь Цзю глубоко вдохнул и, вспомнив Чэнь Шана, криво усмехнулся.

— Дать старику просто сдохнуть было бы слишком легко. Пока он едва жив, от него еще может быть польза. — Лицо его потемнело. — Но ту вещь забрал Чэнь Шэньчжи.

Как Шэнь Хуэй и ожидал, Чэнь Шэньчжи, вероятно, использовал его операцию как приманку, чтобы отвлечь Янь Цзю.

Как хладнокровно он использует любой ресурс, подумал Шэнь Хуэй. И реакция Чэнь Шана тоже была странной: по части коварства даже Чэнь Шэньчжи, Янь Цзю и он сам вместе взятые не могли сравниться со стариком.

Он чувствовал, что здесь что-то не так, но больше не хотел вмешиваться.

— Ты хорошо справился, — спокойно сказал Шэнь Хуэй, и в его глазах мелькнуло одобрение.

За шесть лет Янь Цзю вырос безупречно: вернул активы семьи Янь и победил Чэнь Шэньчжи. Для обеих сторон это был идеальный исход.

Янь Цзю резко поднял голову. За все эти годы Шэнь Хуэй ни разу его не признал: ни когда он блестяще сдавал экзамены, ни когда поступил в университет мирового уровня, ни когда впервые проявился как Альфа, ни когда шаг за шагом подтачивал влияние семьи Чэнь. Шэнь Хуэй лишь молча наблюдал, как Янь Цзю снова и снова приходит за признанием, а потом говорил ему:

— Ты можешь лучше.

Эти слова были как далекий маяк в темном глубоком море, как недостижимое спасение, которое подпитывало его жажду состязания и врезалось в самые кости.

Он и представить не мог, что последнее признание Шэнь Хуэй произнесет так спокойно. И вместо удовлетворения или радости от того, что его наконец признали, он почувствовал, будто из него вырезали кусок плоти, оставив лишь пустоту и опустошение.

Шэнь Хуэй поднялся и, глядя сверху на своего бывшего ученика, с облегчением улыбнулся.

— Ты всегда справлялся хорошо. Мне больше нечему тебя учить. Остальной путь ты можешь пройти сам.

Несколькими словами Шэнь Хуэй успокоил разъяренного волчонка. Убедившись, что Альфа не потеряет контроль, он повернулся, чтобы уйти.

Янь Цзю смотрел ему вслед; в его глазах бушевали яростные, сложные чувства.

— Тогда... Шэнь Хуэй, кем я для тебя был на самом деле?

Шэнь Хуэй обернулся, ненадолго задумался и ответил:

— Моим самым совершенным творением.

Сердце Янь Цзю дрогнуло; обжигающий жар хлынул по венам, и пальцы едва заметно задрожали.

Шэнь Хуэй признал его особенность, но не ту, которую Янь Цзю хотел услышать.

По лицу Янь Цзю Шэнь Хуэй понял, что тот, скорее всего, отпустит его, по крайней мере пока. Альфа не сорвется и не прижмет его к полу.

Янь Цзю смотрел на него сложным взглядом, а потом наконец с долгим облегчением выдохнул.

— Куда ты хочешь поехать?

Напряжение в Шэнь Хуэе слегка ослабло.

— Не знаю. Скорее всего, просто поеду куда глаза глядят.

Янь Цзю достал из шкафа бутылку красного вина, налил себе бокал, затем взял все еще теплый стакан молока и протянул его Шэнь Хуэю.

— На прощание, — сказал Янь Цзю, будто и правда принял происходящее.

— Не забывай возвращаться, когда будет время.

Шэнь Хуэй не взял стакан. В его взгляде читались настороженность и оценка. Он слишком хорошо знал Янь Цзю: даже если тот и отпускает его через силу, без затаенной обиды это не обойдется. Такая щедрость выглядела подозрительно.

Его взгляд упал на стакан молока.

Янь Цзю держал его крепко и уверенно. Увидев колебание Шэнь Хуэя, он спокойно улыбнулся.

— Если бы я действительно хотел тебя оставить, думаешь, ты смог бы уйти?

— Или ты уже передумал и решил остаться?

Шэнь Хуэй тут же протянул руку, взял молоко, залпом выпил и вернул пустой стакан.

— Я ухожу.

Янь Цзю отпил вина, глядя ему вслед, но сухость в горле от этого не уменьшилась.

Поймать на приманку хитрую лису было не так-то просто: холодный, осторожный, он все же в конце концов проиграл.

Бац!

Красное вино брызнуло по полу. Услышав звук, Шэнь Хуэй обернулся и встретился взглядом с Янь Цзю. По спине у него пробежал дурной холодок, и он рванулся к двери. Но, сделав всего два шага, подломился в коленях и рухнул на пол.

Янь Цзю в несколько шагов подошел к нему и остановился сверху.

— С чего ты взял, что альфа отпустит добычу, по которой так долго ходил с ума? — Янь Цзю слегка наклонился, поддел пальцем его подбородок, заставляя поднять взгляд. И с жестоким удовлетворением произнес: — В этот раз проиграл ты.

Силы стремительно покидали Шэнь Хуэя; тело обмякло, даже гнев уже был бессилён.

— Что ты туда подмешал?

— То, что доставит тебе удовольствие.